

Время и пространство в поэме М.Ю. Лермонтова "Демон" и трагедии И.-В. Гете "Фауст"

Налитова Мария Сергеевна

студентка

МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

email: maria124287@mail.ru

Исследователями неоднократно отмечалась общность героев поэмы М.Ю. Лермонтова «Демон» и трагедии И.-В. Гете «Фауст», соотносимость образа Демона с образом Фауста, с одной стороны, и Мефистофеля – с другой. Одним из средств характеристики героев в обоих рассматриваемых произведениях является художественное время и пространство. Характерной чертой организации времени в произведениях является его деление на два пласта – вечность и время конкретно-историческое (прошлое, настоящее, будущее), причем каждый из главных героев (Демон, Фауст, Мефистофель) существует в обоих этих пластах одновременно.

При рассмотрении обозначенных выше временных планов по отношению к Мефистофелю обращает на себя внимание замкнутость этого образа в узких пространственно-временных рамках. «Ты – северянин, / И ты родился в средние века», – говорит Мефистофелю Гомункул [Гете: 290]. Мефистофель и сам очерчивает вокруг себя временные границы: он противопоставляет себя «молодежи в партере» [Там же, 286], которая не может его понять, и, обращаясь к ней, говорит о своем преклонном возрасте («Der Teufel, der ist alt...» [Goethe: 196] – «Черт, который стар...»). С другой стороны, из отдельных высказываний Мефистофеля становится очевидной его сопричастность вечности, его соотносимость с первоначалом бытия. («Ich bin ein Teil des Teils, der anfangs alles war» [Goethe: 43] – «Я части часть, которая была началом всего»). Таким образом, герой одновременно соотносится и с вечностью, и с вполне конкретными, земными рамками пространства и времени. Возможно, это противоречие связано с соотношением Мефистофеля как персонажа, пребывающего, как и положено черту, в вечности, и Мефистофеля как художественного образа, появившегося в средневековой Германии и успевшего уже «состариться» ко времени написания произведения Гете. Тем не менее, каково бы ни было объяснение этого противоречия, указание на пространственно-временные границы противоречит природе героя-черта, демона, который по определению не может быть рожден на земле в конкретный период времени, не может стареть. Поэтому данное указание воспринимается как средство экспликации ограниченности и статичности персонажа. Более того, пространственно-временная характеристика соотносит образ Мефистофеля с определенным рядом ассоциаций, уточняемых благодаря характеристике, которую дает Мефистофелю Гомункул: «Ты – северянин, / И ты родился в средние века. / Твой мир попов и рыцарей – туманен, / Его окутывают облака. / Как хочешь ты свободен быть и зорек, / Когда тебе привычный сумрак дорог?» [Гете: 290–291]. Если переводить дословно, то последняя фраза Гомункула звучит следующим образом: «Только во мраке ты дома» («Im Düstern bist du nur zu Hause» [Goethe: 199]). Понятие мрака соотносится с демонической природой персонажа; об ангельской же природе, когда-то им утраченной, ни разу не говорится в трагедии.

В отличие от образа Мефистофеля, который охарактеризован однозначно и ассоциируется исключительно с понятием мрака, в образе Демона соединяются мотивы света и тьмы, как соединяются в нем два начала – еще не до конца утраченное начало ангельское (оно отсылает нас к прошлому героя) и начало демоническое, соотносимое с его настоящим и, вероятнее всего, будущим. Свет, сияние постоянно сопутствуют его образу: он неоднократно сравнивается с молнией, звездой, метеором. Однако сияние это, как правило, холодное, неземное, и появляется оно на фоне ночного мрака или темного грозового неба. Это свет во мраке, дисгармонирующий с окружающим миром. Появляется в поэме и противоположный образ: Демон сравнивает себя с «тучей громовой», которая «в лазурной вышине чернеет» [Лермонтов: 432]. На этот раз – темное на фоне светлого. И опять разлад между героем и миром. Только однажды образ героя гармонирует с окружающим пространством – в далеком прошлом, когда он все еще был ангелом («...В

жилище света блистал он, чистый херувим» [Там же: 413]). В настоящем же герой, сопоставляемый как со светом, так и с тьмой, по сути, не принадлежит ни тому, ни другому («Он был похож на вечер ясный: / Ни день, ни ночь, – ни мрак, ни свет!..» [Там же: 424]).

Если при характеристике Мефистофеля акцентируется его соотнесенность с конкретным временем и пространством, то при изображении Демона подчеркивается безграничность пространства и времени, в которых он существует. Эпитет «вечный» неоднократно повторяется по отношению к Демону и к тому, что его окружает: в раю он видит «вечные туманы», пустыни «вечного эфира», Демона терзает «вечная борьба», он обречен «всю жизнь, века без разделенья и наслаждаться и страдать» [Там же: 413, 431]. Беспредельное время сочетается с беспредельным пространством: Демону присуща «владений бесконечность» [Там же: 430], его взор охватывает «весь божий мир» [Там же: 414], а оставаясь в одиночестве, он остается один в целой вселенной («И вновь остался он, надменный, / Один, как прежде, во вселенной...» [Там же: 442]). Как в поэме «Демон», так и в трагедии «Фауст» понятие вечности соотносится с понятием мгновения. Эта антитеза тесно связана с проблематикой обоих произведений, утверждающих значительность мгновения. В этой связи примечателен следующий монолог Демона: «Что повесть тягостных лишений, / Трудов и бед толпы людской, / Грядущих, прошлых поколений, / Перед минутою одной / Моих непризнанных мучений?» [Там же: 433]. В данном случае мгновение ассоциируется с Демоном, вечность – с людьми. Минута страдания оказывается сильнее череды страданий бесконечных, одно мгновение становится значительнее вечности. Подобное противопоставление связано и с понятием идеала: мгновение, озаренное идеалом, дороже вечности. «И вечность дам тебе за миг», – говорит Демон Тамаре [Там же: 435]. Без идеала вечность превращается в нечто тягостное, более того – ненавистное («Лишь только я тебя увидел – / И тайно вдруг возненавидел / Бессмертие и власть мою» [Там же: 430]).

Существование в вечности – исконное свойство героя-демона, однако понятие вечности непосредственно связано и с образом Фауста. Фауст, являясь обобщенным символом человечества, переживает за свою жизнь всю мировую историю, а после смерти попадает в рай, становясь уже по-настоящему сопричастным вечности [Аникст: 370, 496]. Большое значение для раскрытия этого образа имеет также мотив соотнесенности вечности и мгновения. Для Фауста мгновение, озаренное предвосхищением вечности, приобретает иной, высший смысл. Именно таков «высший миг» героя [Гете: 455], когда перед его взором открывается вечность. «Es kann die Spur von meinen Erdetagen\ Nicnt in Äonen untergehn», – восклицает Фауст [Goethe: 327] («След моих земных дней не может стереться в вечности»). Таким образом, в системе ценностей как Демона, так и Фауста вечность и мгновение воспринимаются как равновеликие категории.

Литература

Аникст А.А. Творческий путь Гете. М., 1986.

Гете И.-В. Фауст. Библиотека всемирной литературы. Т. 50. М., 1969.

Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений в четырех томах. Том 2. М., 1969.

Goethe J.-W. Werke. Dritter Band. Baden–Baden: Insel, 1977.